

Смирнова Каринэ Львовна

аспирант кафедры социальных коммуникаций
и технологий
Южного федерального университета
dom-hors@mail.ru

**РЕЛИГИОЗНАЯ ВЕРА
И ТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ:
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
ИХ СООТНОШЕНИЯ
В ТРУДАХ РУССКИХ
РЕЛИГИОЗНЫХ МЫСЛИТЕЛЕЙ
СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА**

Аннотация:

В статье анализируется проблема взаимосвязанности творческой деятельности и религиозной веры в трудах русских православных мыслителей. Делаются выводы о тесном единстве успешной творческой деятельности и созидательного, духовно-ответственного подхода, который формирует религиозная вера. Обосновывается идея о религиозной вере как факторе успешного профессионального труда и предпринимательства, стимуле развития экономики.

Ключевые слова:

православие, вера, творчество, творческий труд, имитация творчества, религия созидания, культура православия, сакрализация, ответственность.

Smirnova Karine Lvovna

PhD student of the Social Communication
and Technologies Department,
Southern Federal University
dom-hors@mail.ru

**RELIGIOUS BELIEFS
AND CREATIVE ACTIVITIES:
INTERPRETATION OF
THEIR CORRELATION
IN THE WORKS OF THE RUSSIAN
RELIGIOUS PHILOSOPHERS OF
THE SILVER AGE**

The summary:

The article deals with the correlation of the religious beliefs and creative activities in the works of the Russian Orthodox philosophers. Basing upon the case study of their works it is concluded the unity of the successful creative activities and constructive spiritual and responsible approach which is formed by the religious faith. The author substantiates an interpretation of the religious faith as a factor of the efficient vocational labour and entrepreneurship, and as a stimulus for the economy development.

Keywords:

Orthodoxy, religious beliefs, creativity, creative activity, creativity imitation, religion of creation, culture of Orthodoxy, sacralization, responsibility.

Взаимосвязанность материального процесса хозяйствования и религиозной духовности как важных составляющих культуры находилась в поле зрения русских религиозных мыслителей. В частности, этому вопросу относительно большое внимание уделили С.Н. Булгаков, И.А. Ильин, Г.В. Флоровский.

Наше время, критически оценив эпоху русского атеизма, потребовало критического переосмысления самодостаточности человека, понимания его как уникального и вместе с тем универсального, прогрессивно развивающегося представителя земной цивилизации. Его технический, энергетический, информационный прогресс очевиден. Но, как и в начале своей истории, он не всегда отдает себе отчет о сущности и смысле своего существования, о целях и средствах своего бытия. Войны, революции, эпидемии, преступность, аморализм всегда оказываются оборотной стороной культурного прогресса. И тогда, встретившись с непреодолимой трудностью, горделивый homo sapiens возвращается к молитве и просит помощи у Бога. На протяжении более 20 лет, прошедших с начала перестройки, мы видим безусловную активизацию российского православия. Но пока это оживление не дало практических результатов.

Целью данной статьи является обращение к идеям русских религиозных мыслителей по поводу роли духовности как стимула экономического развития и обоснование того, что этот стимул может помочь отечественной экономике.

Так, С.Н. Булгаков рассматривал проблему творчества как важную составляющую теории прогресса. Свою статью «Основные проблемы теории прогресса» он начал с острой критики открытого О. Контом мнимого, как считал С.Н. Булгаков, закона о поступательном движении истории от теологии к метафизике и затем к позитивной науке.

«И религия, и метафизическое мышление, и положительное знание, – считал С.Н. Булгаков, – отвечают основным духовным потребностям человека, и их развитие может вести только к их взаимному прояснению, отнюдь не уничтожению. Потребности эти являются всеобщими для всех людей и во все времена их существования и составляют духовное начало в человеке в противоположность животному» [1, с. 2]. Научные и всякие другие точные знания не в состоянии дать ответа на все вопросы относительно реальности. Область незнания всегда остается гораздо больше того, что человек может знать. В конечном счете чем больше мы знаем, тем шире становится область незнаемого, проблемного, «знания о незнании».

От познания материальных причинно-следственных связей человек переходит к духовным. И здесь, как и в процессе познания материального мира, он получает всего лишь обрывочные знания о целостной реальности.

«Но человеку необходимо иметь целостное представление о мире, он не может согласиться ждать с удовлетворением этой потребности до тех пор, пока будущая наука даст достаточный материал для этой цели» [2, с. 3]. В результате религиозные вопросы неизменно выходят на первое место: «Для человека как разумного существа бесконечно важнее любой специальной научной теории представляется решение вопросов о том, что же представляет собою наш мир в целом, какова его субстанция, имеет ли он какой-либо смысл и разумную цель, имеет ли какую-либо цену наша жизнь и наши деяния, какова природа добра и зла и т. д., и т. д. Словом, человек спрашивает и не может не спрашивать не только *как*, но *что*, *почему* и *зачем*» [3, с. 3].

Пытаясь дать ответ на эти вопросы, представитель рода человеческого по сути дела занимается религиозными проблемами. Сам вопрос о сущности Бога оказывается учением о целостности мира и представлением о нем. И эти вопросы, по природе своей не имеющие ответа, не могут не интересовать всех.

«Нерелигиозных людей нет, – приходит к выводу С.Н. Булгаков, – а есть лишь люди благочестивые и нечестивые, праведники и грешники» [4, с. 4]. Другое дело, что такое заявление требует четкого определения религии. «Религия, – по мнению философа, – есть активный выход за пределы своего я, живое чувство связи этого конечного и ограниченного я с бесконечным и высшим, расширение нашего чувства в бесконечность в стремлении к недостижимому совершенству» [5, с. 22]. Без религии культура деформируется, практически вырождается.

Для возврата деформированной культуры в нормальное для нее русло человек должен не просто довольствоваться стихийно сложившимися обстоятельствами, но сознательными усилиями добиться соразмерности всех взаимодействующих сфер культуры. То есть в процессе, кажется, автоматически осуществляемого прогресса целенаправленно реализовать его важнейшую составляющую в виде долженствования.

Таким образом, религия, с точки зрения С.Н. Булгакова, безусловно, является одной из важных сфер человеческой культуры, и, исходя именно из этого, необходимо определять ее место в развитии экономики, способы ее стимулирования, модернизации в обеспечении необходимого прогресса.

Жизнь отдельного индивида и всего человечества была бы абсолютно невозможной, если бы он свою, всегда слабую, подтвержденную отрывочными знаниями уверенность в правильности своих практических действий не поддерживал живой верой: «Мы

уже знаем, что неустранимое и совершенно самостоятельное значение в человеческой жизни имеет вера. Только она делает несомненным то, что является сомнительным, как и всякий предмет человеческого знания, только она холодное теоретическое знание согревает жаром сердца и делает основой поведения, не только внешнего, но и внутреннего, не только поступков, но и чувств» [6, с. 36].

Отсюда вытекает, что религия не только не может когда-либо стать излишней для человека и человечества, выдумкой существа, затравленного непосильной борьбой за выживание и т. д., но является и всегда будет вдохновителем всех его свершений. «Религия – какова бы она ни была – по самой идее своей проникает всю деятельную жизнь сознательного человека. Все нравственные цели, которые он себе ставит, должны являться вместе с тем и предписаниями его религии» [7, с. 36].

Вера и религия – однопорядковые явления. В религии вера системна и аргументирована, в индивидуальном плане – стихийна и часто ничем не обоснована. Вера приходит тогда, когда индивиду отказано в твердой поддержке извне, и он вынужден находить ее в себе.

Выбор веры – нравственная задача, которую приходится решать каждому человеку. Упадок веры – серьезное препятствие для развития общества и его экономики. Любое сколько угодно мощное развитие знаний и культуры не может возместить упадка веры. Можно допустить, что человечество лишится своей науки, своей цивилизации, как оно и жило без них в течение веков. Но полная потеря веры в добро означала бы нравственную смерть, а значит, гибель человеческого общества и его культуры.

Еще более сильные аргументы в пользу не сопоставимой ни с чем продуктивности религии в стимулировании экономики С.Н. Булгаков высказал в своей основательной работе «Философия хозяйства». Он рассматривал экономику в качестве важной сферы культуры и не считал производство доминирующим и определяющим все другие «надстроечные» сферы. Они в его теории хозяйства не явились производными от материального базиса, как это изображено у К. Маркса. Однако он подчеркивал особое место экономики в культуре и, главное, в понимании сущности культуры. «Понять мир как объект трудового, хозяйственного воздействия, – считал он, – есть очередная ее задача, к которой одинаково ведет и экономизм, и критицизм, и прагматизм, и мистицизм. И самой постановке ее я придаю несравненно большее значение, нежели данному опыту ее решения» [8, с. 5].

Считая, что для решения любой проблемы, и тем более такой сложной, как исследование сущности хозяйства, самым важным является правильно ее поставить, мы должны разговор о мировом хозяйстве начинать с религии, тем самым подчеркивая их непосредственную связь. Выходит, что цель хозяйства сверххозяйственна, а цель истории сверхисторична. В таком случае и происхождение хозяйственного труда также лежит за пределами истории и хозяйства в теперешнем смысле. Этому последнему иерархически и космологически предшествует иное хозяйство, иной труд, свободный, бескорыстный, любовный, в котором хозяйство сливается с художественным творчеством. Это «хозяйство» Эдема, «райское» хозяйство, испытания которым не выдержал человек.

«Можно говорить в этом смысле о «райском хозяйстве» как о бескорыстном любовном труде человека над природой для ее познания и усовершенствования, раскрытия ее софийности. Но после грехопадения человека, религиозно соответствующего метафизической катастрофе всего космоса, смысл хозяйства и его мотивы изменяются. Тяжелый покров хозяйственной нужды ложится на хозяйственную деятельность и закрывает ее софийное предназначение, целью хозяйства становится борьба за жизнь, а его естественной идеологией – экономический материализм. Оно становится исполнением суда

Божия над согрешившим человечеством: «В поте лица твоего будешь есть хлеб твой, доколе не возвратишься в землю, из которой взят» [9, с. 87].

Примерно в этом же ключе исследовал человеческую деятельность И.А. Ильин. Он считал, что мечты о чудесной и беззаботной, лишенной труда жизни характерны для тех, кто не знает радости творческого труда, кто не понимает сущности человека, утверждающегося в труде и тем самым выступающего носителем высшего смысла. «Тогда человек начинает чувствовать себя *орудием высших сил* и научается сдерживать свое дыхание, чтобы не сделать какого-нибудь своевольного, ложного шага; человек начинает опасаться за свое достоинство; вступая в цепь предметных потребностей и постигая их, он ликует в духовной радости; он сразу и счастлив, и смущен, и сердце его преисполнено благодарности...

А впоследствии человек смиренно шепчет про себя благодарственную молитву за то, что ему удалось «немножко увековечиться»; ибо поистине ничто не исчезает в мире бесследно, каждый труд «вплетается» или «врастает» в ткань мироздания, приемлет ее и органически питает и укрепляет ее... Пусть человек только трудится, вернопреданно и самозабвенно, в предметном направлении и не щадя своих сил... Остальное есть дело Божьего попечения и суда» [10, с. 320].

Творческий труд – это всегда труд поддерживаемый, поощряемый и вдохновляемый Богом. Так должно быть, но не всегда бывает так, как должно. «Люди не захотели больше *веровать*, потому что они уверили себя, будто вера есть противоразумное, научно несостоятельное и «реакционное» состояние души» [11, с. 290].

Отсюда следует настоятельная необходимость возврата к сердцу, любви, чувству, которые не противоречат расчету, но дополняют и укрепляют его.

На позициях нерасторжимого единства Человека и Бога стоял и Г.В. Флоровский. Он акцентировал внимание на своеобразии православного христианства, подчеркивая двойственность и расплывчатость его воздействия на русского человека. В результате формируются его типичные, негативные качества, которые проявляются в нерешительности, когда нужно сделать выбор, принять ответственность. В русской душе слишком много артистизма, игры.

У русских православных людей это выражается своеобразной безответственностью народного духа. «Изъян и слабость древнерусского духовного развития, – писал Г.В. Флоровский, – состоит отчасти в недостаточности аскетического закала (и совсем уже не в чрезмерности аскетизма), в недостаточной «одухотворенности» души, в чрезмерной «душевности», или «поэтичности», в духовной неформленности душевной стихии...» [12, с. 15].

Чтобы исправить сложившееся положение, необходимо совершенствовать ответственность, основанную на вере.

В виде итога анализа позиции русских религиозных философов по поводу возможности использовать православие в качестве стимула развития отечественной экономики, следует утверждать, что это не просто возможность, которая может быть использована, а необходимость, которая не может быть обойдена. Ими показано, что всякая удовлетворяющая разумную человеческую потребность деятельность, и в первую очередь экономическая деятельность, является священной, обязанной быть выполненной в духе высокого нравственного долженствования.

Кроме того, сравнительный анализ религиозных установок, предписываемых Старым заветом, на который опирается протестантизм, и Новым заветом, исповедуемым православием, или теорией справедливости, в общих положениях изложенной в Коране, показывает, что все священные книги примерно одинаково утверждают необходимость справедливости

в производстве и в торговле. Успех применения религиозных установок для стимулирования экономики определяется не формой религии, а глубиной веры, отношением к ее требованиям представителей той или иной конфессии. Эти выводы о необходимости придания процессу осуществления экономической деятельности сакрального смысла, не потеряли своей актуальности и в настоящее время. Больше того, они настоятельно востребованы сложившимся положением дел в современной России. Дело за практикой.

Ссылки:

1. Булгаков С.Н. Основные проблемы теории прогресса // Проблемы идеализма. М., 1902. 413 с.
2. Там же.
3. Там же.
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же.
7. Там же.
8. Булгаков С. Н. Философия хозяйства / отв. ред. О.А. Платонов. М., 2009. 464 с.
9. Там же.
10. Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993. 403 с.
11. Там же.
12. Флоровский Г.В. Пути русского богословия / отв. ред. О.А. Платонов. М., 2009. 848 с.

References:

1. Bulgakov, SN 1902, 'The main problems of the theory of progress', *Problems of idealism*, Moscow, 413 pp.
2. Bulgakov, SN 1902, 'The main problems of the theory of progress', *Problems of idealism*, Moscow, 413 pp.
3. Bulgakov, SN 1902, 'The main problems of the theory of progress', *Problems of idealism*, Moscow, 413 pp.
4. Bulgakov, SN 1902, 'The main problems of the theory of progress', *Problems of idealism*, Moscow, 413 pp.
5. Bulgakov, SN 1902, 'The main problems of the theory of progress', *Problems of idealism*, Moscow, 413 pp.
6. Bulgakov, SN 1902, 'The main problems of the theory of progress', *Problems of idealism*, Moscow, 413 pp.
7. Bulgakov, SN 1902, 'The main problems of the theory of progress', *Problems of idealism*, Moscow, 413 pp.
8. Bulgakov, SN 2009, *Philosophy of Economy*, in Platonov, OA (ed.), Moscow, 464 pp.
9. Bulgakov, SN 2009, *Philosophy of Economy*, in Platonov, OA (ed.), Moscow, 464 pp.
10. Ilyin, IA 1993, *Path to the evidence*, Moscow, 403 pp.
11. Ilyin, IA 1993, *Path to the evidence*, Moscow, 403 pp.
12. Florovskiy, GV 2009, *Ways of Russian Theology*, in Platonov, OA (ed.), Moscow, 848 pp.